

СКАНДАЛИЗАЦИЯ ПРАВОСУДИЯ

27 февраля на заседании Экспертного клуба имени Д.Н. Замятнина председатель Совета судей России Виктор Момотов заявил, что «судьи, скованные этическими нормами, оказываются практически беззащитными перед лицом лжи, распространяемой недобросовестными средствами массовой информации». Исправить это могло бы введение ответственности за скандализацию правосудия — то есть за действия, которые публично умаляют авторитет суда.

Как Вы относитесь к этому предложению и может ли авторитет суда в глазах общества поддерживаться (быть поддержан) карательными мерами? С такими вопросами мы обратились к экспертам.

ВИКТОР МОМОТОВ

председатель Совета судей РФ, судья Верховного Суда РФ, доктор юридических наук

— Без сомнения, авторитет суда в глазах общества не может быть поддержан карательными мерами — он определяется эффективностью правосудия, справедливостью судебных постановлений, равенством сторон перед законом и судом, соблюдением судьями норм профессиональной этики и целым рядом других факторов.

Ответственность за скандализацию правосудия, предусмотренная в правовых системах англо-американской и континентально-европейской правовых систем, имеет не карательную, а превентивную функцию. Ее цель — защитить независимость суда.

Критический анализ судебных постановлений и выражение несогласия с ними, в том числе в академических изданиях, — безусловное право каждого гражданина и элемент свободы слова. Однако беспорядочная и необоснованная критика в грубой форме, выказывающая неуважение к суду и к юридической силе судебного акта, — это очевидное злоупотребление правом, способ давления на суд через манипулирование общественным мнением.

Подобные действия не только посягают на судебскую независимость, но и порождают у добросовестной стороны спора сомнения в объективности суда — в случае, например, когда после принятия судебного решения и подачи на него жалобы в СМИ или интернет-изданиях разворачивается полномасштабная информационная кампания, направленная на дискредитацию суда и принятого им постановления и основанная не на правовых аргумен-

тах, а на личных выпадах и беспочвенных обвинениях в адрес судей. Такие примеры известны.

В правовом государстве, одним из столпов которого является принцип независимости суда, гражданское общество дает подобным действиям однозначно негативную оценку. Юридическая ответственность за скандализацию правосудия — это не кара, а следствие такой оценки.

Зрелое гражданское общество осознает, что уважение к суду — это не внутреннее отношение к конкретным судьям, которое является личным делом каждого человека, а уважение к судебной власти как государственному институту в целом и к юридической силе судебного акта в частности. Не обеспечив такое уважение и не защитив его правовыми средствами, сложно ожидать подлинной судебной независимости.

Можно обратиться к опыту других государств, установивших ответственность за скандализацию правосудия, — США, Великобритании, Франции и др., а также практике Европейского суда по правам человека, поддержавшего введение такой ответственности (например, в решении по делу «Месло против Франции»¹).

Исходя из необходимости укрепить независимость судей и учитывая опыт других правовых систем, предлагается вынести на общественное обсуждение вопрос о целесообразности введения ответственности за «скандализацию правосудия». При этом ни о каком безусловном и скорейшем введении такой ответственности речи не идет.

МИХАИЛ ФЕДОВ

председатель Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

— Предложение ввести правовую ответственность за скандализацию правосудия представляется мне весьма спорным и чреватым новыми обвинениями в стремлении российских властей ограничить свободу мысли и слова, свободу выражения мнений и т.д. Особенно если учесть тот негативный настрой, который сложился в общественном дискурсе в результате принятия законов о так называемых *fake news* и оскорблении государственных символов². Я не вижу оснований для того, чтобы еще более нагнетать обстановку и разжигать страсти.

В то же время очевидно, что защита авторитета правосудия как института демократического правового государства ничуть не менее важна, чем интересы, например, общественной безопасности. Обратим внимание на тот факт, что п. 2 ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных

¹ Решение ЕСПЧ от 09.01.2018 по делу «Месло (*Meslot*) против Франции» (жалоба № 50538/12).

² Федеральные законы от 18.03.2019 № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и № 30-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“».

свобод в качестве одного из законных и справедливых оснований для ограничения свободы выражения мнений называет «обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия».

Но, подчеркнем, такие ограничения будут считаться допустимыми только в том случае, если они установлены законом и, что особенно важно, необходимы в демократическом правовом государстве. А поскольку такое государство является для нашей страны скорее конституционной целью, чем повседневной реальностью, постольку ограничения основных прав и свобод человека и гражданина должны вводиться с максимальной осмотрительностью и в минимально необходимых дозах.

Разумеется, судьи имеют право на защиту чести и достоинства в не меньшей степени, чем представители других профессий. Другой вопрос, в чем заключается и как осуществляется эта защита. Например, Уголовный кодекс РФ предусматривает такие составы преступления, как «оскорбление судьи» и «клевета в отношении судьи» (ст. 297, 298.1). Есть в наличии и административно-правовые средства защиты доброго имени (ст. 5.61 КоАП РФ). Наконец, Гражданский кодекс и Закон о средствах массовой информации³ содержат богатый арсенал инструментов защиты чести и достоинства судьи, включая право на опровержение, на ответ, а также на компенсацию морального вреда.

Но нельзя забывать, что, обращаясь к этим средствам, судья неминуемо рискует получить в свой адрес обвинение в использовании корпоративной солидарности, а ведь еще римскому праву был известен принцип «*Nemo debet esse iudex in propria causa*» («Никто не судья в собственном деле»). Именно поэтому столь ценна практика, когда судьи обращаются за разрешением спора с журналистом или редакцией СМИ не к судебным органам, а в Общественную коллегию по жалобам на прессу⁴.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ о практике применения судами Закона о СМИ⁵ прямо сказано: «Споры, связанные с освещением деятельности судов в средствах массовой информации, могут также разрешаться во внесудебном порядке органами или организациями, к компетенции которых относится рассмотрение информационных споров. Учитывая это, в случае возникновения такого спора не исключается возможность обращения за его разрешением в Общественную коллегию по жалобам на прессу... которая в силу пункта 4.1 ее Устава, принятого 14 июля 2005 года, рассматривает информационные споры, прежде всего, нравственно-этического характера, возникающие в сфере массовой информации, в том числе дела о нарушении принципов и норм профессиональной журналистской этики. К компетенции Коллегии относится также рассмотрение информационных споров, затрагивающих права человека в сфере массовой информации».

³ Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации».

⁴ Далее по тексту — Коллегия.

⁵ Постановление Пленума ВС РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации „О средствах массовой информации“»

Практика рассмотрения Коллегией жалоб, поданных представителями судебного сообщества в отношении СМИ, достаточно обширна. В качестве примера эффективной защиты авторитета и беспристрастности суда от его скандализации приведу выдержку из одного решения Коллегии. В нем, в частности, говорится: «Приветствуя стремление судебного сообщества апеллировать в спорах со СМИ к институту и процедурам саморегулирования, не прибегая к судебному разбирательству, Общественная коллегия рассматривает такой подход как продуктивный, существенный для возвращения доверия общества как к российским СМИ, так и к системе российского правосудия»⁶.

В этом решении содержится принципиально важный вывод о том, что «при разрешении информационных споров в области СМИ важно точно определить соотношение публичного и частного интереса в действиях журналиста». Когда журналист пользуется своим профессиональным статусом для защиты частных интересов своих клиентов или сведения счетов с негодными ему судьями, он грубо нарушает профессиональную этику журналиста. Но даже в тех случаях, когда он выступает в защиту общественных интересов, польза от его публикаций, по сути, перечеркивается тем ущербом для авторитета института судебной власти, который наносит «заведомо предвзятое отношение к многим конкретным судьям, прямым следствием которого оказывается и использование СМИ для распространения безосновательных домыслов, и использование в СМИ выражений и образов, решительно несовместимых с принятым в цивилизованном обществе отношением к институту суда и его представителям».

При этом Коллегия напомнила о другом своем решении⁷, в котором подчеркивается, что «судебные решения и вообще деятельность судов не лежат вне зоны критики». В то же время «журналист, обращающийся к теме судопроизводства, судебных решений, профессиональной деятельности судей и, тем более, к личности конкретных судей, не может относиться к фактору авторитета правосудия как к несущественному и для себя, и для журналистской профессии в целом, и для общества, интересы которого он представляет».

Остается только посоветовать судьям чаще заглядывать на сайт Коллегии (<http://www.presscouncil.ru>), где можно ознакомиться с рассмотренными за последние 14 лет информационными спорами, процедурой их рассмотрения и составом Коллегии. Здесь же можно оформить обращение по конкретному случаю скандализации суда. И можно не сомневаться, что жалоба будет рассмотрена без всякой волокиты, честно, профессионально и непредвзято.

⁶ Решение Коллегии от 26.11.2010 № 62 «О жалобе Совета судей Тверской области на журналиста Экаева А.Ю. в связи с его публикациями о деятельности судей».

⁷ Решение Коллегии от 13.07.2010 № 48 «О жалобе Совета судей Ростовской области на журналиста Толмачева А.М. в связи с его публикациями в региональном приложении „Аргументы недели. Юг“ и журнале „Про Ростов“».

АНТОН ИВАНОВ

руководитель
департамента
дисциплин частного
права факультета
права Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики»,
Председатель Высшего
Арбитражного Суда РФ
в отставке, кандидат
юридических наук

— В рамках понятия «скандализация правосудия» сосуществуют две совершенно разные проблемы. Одна из них — ответственность за неуважение к суду, которое проявлено в рамках конкретного процесса его участниками. Другая — ответственность лиц, не участвующих в конкретном процессе, но распространяющих порочащие суд сведения.

Первая проблема хоть как-то, но решена в законодательстве: существует уголовная и административная ответственность. Первая установлена в ст. 297 УК «Неуважение к суду», вторая — в соответствующих статьях процессуальных кодексов, например в ст. 119 АПК РФ.

К сожалению, почти нет уголовных дел, в которых бы наказывали за проявление неуважения к суду, хотя случаев таких немало. Причин этого довольно много — и трудности в доказывании, и исключение судов и судей из порядка привлечения к уголовной ответственности, и нежелание наказывать государственных служащих и иных влиятельных лиц, которые довольно часто проявляют неуважение к суду. Устранить эти причины сложно. Первым и главным условием здесь должно стать повышение независимости судебной системы и отдельных судей. Здесь все непросто...

Но нужны и конкретные практические изменения. Например, суд может быть признан потерпевшим в рамках соответствующего уголовного дела и получить возможность обжаловать действия, скажем, следователей. Фактически это будет означать возвращение судов в процесс привлечения виновных к уголовной ответственности, но не на стороне обвинения. Возможно, тут потребуются дополнительные гарантии, направленные на предотвращение конфликта интересов.

Что касается административной ответственности за неуважение к суду, то здесь основная проблема состоит в мизерной санкции за соответствующее правонарушение. Много раз предпринимались попытки эту санкцию повысить, последняя была в прошлом году, но размер санкции по-прежнему очень мал, особенно в сравнении с иностранными правовыми порядками. Законодатель явно не желает, чтобы в данном вопросе роль суда, его авторитет существенно повысились. Тем более что неуважение к суду довольно часто проявляют государственные должностные лица.

Поэтому если установление ответственности за скандализацию правосудия состоит в усилении ответственности участников процесса за неуважение к суду, то при определенных условиях его можно поддержать. Однако что-то подсказывает, что под скандализацией понимается нечто иное, а именно ответственность любого лица за распространение порочащих суд сведений (упомянутая мной вторая проблема). Не случайно обсуждаемое предложение совпало с прохождением через Федеральное Собрание законопроекта об ответственности за распространение заведомо ложных сведений через Интернет. Поскольку этот законопроект, видимо, будет принят⁸, некоторые

⁸ На момент подписания номера в печать уже принят: см. Федеральный закон от 18.03.2019 № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». — *Прим. ред.*

судьи подумали, что было бы неплохо придумать что-нибудь подобное и для судебной системы. Практика пресечения распространения порочащих сведений давно известна гражданскому законодательству и регламентируется довольно сбалансированными правилами. Главное в них то, что в любом случае должен проводиться судебный процесс на условиях состязательности, а также то, что применительно к «публично значимым лицам» (а к ним вполне могут быть отнесены суды и судьи) признание сведений порочащими сильно осложнено или даже вовсе исключено, поскольку нарушается свобода слова, печати, критики государственных органов и другие конституционные права и свободы.

Замена гражданского процесса административной ответственностью за распространение порочащих сведений очень сильно снижает гарантии для частных лиц, изменяя баланс в пользу государственных органов, в том числе судов, не говоря уже о том, что тем самым нарушается ряд статей Конституции РФ. Если же такая ответственность будет наступать по инициативе судов, то они станут судьями в своих же делах, т.е. ко всему прочему добавится еще и конфликт интересов. Поэтому нет никаких правовых оснований к тому, чтобы вводить административную, а тем более уголовную ответственность за распространение о суде порочащих сведений за рамками существующих правил ответственности за неуважение к суду.

ВИКТОР ЖУЙКОВ

заведующий отделом
гражданского
законодательства и
процесса ИЗИСП при
Правительстве РФ,
заместитель
Председателя
Верховного Суда РФ
в отставке, доктор
юридических наук,
заслуженный юрист РФ

— Я отношусь к этому предложению отрицательно.

Считаю, что власти стоит с пониманием относиться к критике любого должностного лица.

Поставленные в отношении судей вопросы неоднократно возникали еще в бытность мою заместителем Председателя Верховного Суда РФ, и мы всегда находили решение без ужесточения мер ответственности за критику.

Всякая, даже самая жесткая критика суда со стороны общества полезна и необходима. Если сдерживать ее карательными мерами, это может привести лишь к отгораживанию судебной системы и, как следствие, уменьшению авторитета правосудия в глазах общества. А бороться со злоупотреблениями можно и существующими мерами публично-правовой ответственности.

ТАТЬЯНА АНДРЕЕВА

доцент кафедры
гражданского процесса
юридического
факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова,
заместитель
Председателя Высшего
Арбитражного Суда РФ
в отставке, кандидат
юридических наук

— Проблемы уважения к суду могут и должны рассматриваться в контексте доверия к судебной власти, уровень которого во многом предопределяется справедливостью правосудия, авторитетом суда в обществе. И эти проблемы, конечно же, нужно обсуждать прежде всего самим судьям, профессиональная деятельность и личное достоинство которых, собственно, и создают предпосылки для формирования соответствующего общественного мнения. В связи с этим поднятые в выступлении В.В. Момотова вопросы очень важны. Но предложение председателя Совета судей РФ о введении ответственности за скандализацию правосудия, будь то случайно или осознанно, прозвучало в столь «благоприятный» момент, что вполне уложилось в русло рассматриваемых в Государственной Думе предложений об ответственности за оскорбление власти, теперь уже получивших законодательное закрепление.

Уверена, что никакими карательными мерами авторитет суда в глазах общества и уровень доверия к судебной власти не поднять. Вызвать раздражение, озлобление и даже, может быть, страх такие меры, пожалуй, и смогут, но, как говорится, насильно мил не будешь... А потери могут быть куда более серьезными.

Сейчас и так предусмотрена уголовная ответственность за неуважение к суду (ст. 297 УК РФ), и практика свидетельствует об активном применении судами этого механизма. Применяют суды и такие наказания, как наложение штрафа по правилам АПК РФ (ст. 119) и оставление жалобы без рассмотрения (решение ВС РФ от 10.01.2019 № 87-ААД18-3, на которое сослался В.В. Момотов). Следовательно, в обсуждаемом предложении речь шла скорее о том, что в результате отсутствия ответственности за скандализацию правосудия «судьи, скованные этическими нормами, оказываются практически беззащитными перед лицом лжи, распространяемой недобросовестными средствами массовой информации»⁹.

Действительно, ст. 13 Кодекса судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) призывает судей к сдержанности и осмотрительности в случаях, когда возникает необходимость в реагировании на публичную критику, чтобы не причинить еще больший вред авторитету суда и беспристрастности правосудия. И это очень важно, ибо обращение судьи с целью защиты чести и достоинства в суд, применение судом мер уголовной или иной ответственности за неуважение к суду сами по себе вызывают у разумного наблюдателя сомнения в беспристрастности, поскольку суд хотя и условно, но все же выступает судьей в своем собственном деле. Не случайно Верховный Суд РФ ориентирует на использование внесудебного порядка разрешения споров, связанных с освещением деятельности судов в СМИ или затрагивающих права судей, в том числе путем обращения в Общественную коллегию по жалобам на прессу¹⁰. По опыту работы в этой

⁹ См.: Выступление Виктора Викторовича Момотова на заседании клуба имени Д.Н. Замятина по теме «Уважение к суду как правовая категория: реальность и перспективы в России». URL: <http://www.ssrp.ru/page/31935/detail/> (дата обращения: 21.03.2019).

¹⁰ Постановление Пленума ВС РФ от 15.06.2010 № 16.

Коллегии могут сказать, что практика таких обращений довольно обширна¹¹, а по результатам рассмотрения жалоб судей на СМИ Коллегией выработаны некоторые профессионально-этические рекомендации для журналистов, пишущих о судах и судьях¹².

Тем не менее предлагается не только предусмотреть дополнительные меры ответственности за распространение лжи в отношении судей, но фактически установить санкции за любую негативную информацию о судах и правосудии, под скандализацией которого понимается «манипулирование общественным мнением для оказания давления на суд или умаление авторитета судебной власти». Согласитесь, довольно широкое и очевидно оценочное понятие.

Представляется, что реализация этого предложения поставит под угрозу соблюдение требований ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 29 Конституции РФ, положения которых являются основой для общественного контроля за деятельностью органов публичной власти и лиц, наделенных публичными полномочиями, в том числе судов и судей, обеспечения ее открытости и предоставления гражданам и обществу полной и достоверной информации о ней. Конечно, нам не всегда нравится то, что о нас пишут журналисты, как по форме, так и по содержанию. Но ведь на клевету, оскорбления есть средства реагирования. А вот утрата под страхом ответственности возможности общественного контроля за правосудием — потеря невозполнимая. В связи с этим уместно напомнить об одной публикации, едва ли не самой знаковой в истории журналистики: 13 января 1898 г. во французской газете *L'Aurore* было опубликовано открытое письмо Э. Золя «Я обвиняю» («*J'accuse*»), адресованное президенту Франции. Э. Золя обвинял французское правосудие и людей, незаконно осудивших капитана французской армии А. Дрейфуса в государственной измене. И хотя сам писатель за эту весьма скандальную публикацию был обвинен в клевете и осужден (чтобы избежать заключения, он вынужден был бежать в Англию), он смог предать широкой огласке судебный процесс, который, по его мнению, был «верхом беззакония». Благодаря этой публикации Дрейфус в конце концов был признан полностью невиновным и реабилитирован.

Так, может быть, подобная скандализация правосудия, позволяющая защитить невиновного и восстановить справедливость, делает для правосудия гораздо больше, чем ответственность за нее?

¹¹ Настольная книга по медийному саморегулированию. Вып. 2. Этические вопросы освещения судебной деятельности в СМИ / под ред. Ю.В. Казакова, М.А. Федотова. М., 2011.

¹² Настольная книга по медийному саморегулированию. Вып. 8. Коллегия как ресурсный центр: решения, экспертные мнения, тематические рекомендации / под ред. Ю.В. Казакова. М., 2018. С. 320–329.

КАРИН БЕШЕ-ГОЛОВКО

президент ассоциации юристов «Комитас Генциум Франция — Россия», доктор публичного права (Франция)

— Понятия «скандализация правосудия» не существует ни во французском законодательстве, ни в научной доктрине. Есть классические уголовно-правовые запреты (оскорбление, диффамация, неуважение к суду и др.) и специальный уголовно-правовой запрет, появившийся с принятием в 1992 г. нового УК.

Что касается последнего, то ст. 434-25 УК Франции, помещенная в раздел о посягательствах на авторитет государства, предусматривает так называемое посягательство на должное уважение к правосудию. Сама статья определяет данное преступление как «стремление к публичной дискредитации любыми действиями, словами, текстами или изображениями любых судебных действий или решений, проявленное в ситуации, способной причинить вред авторитету правосудия или его независимости». В соответствии с ч. 2 статьи и практикой Кассационного суда этот запрет не касается ни научных работ, ни процессуальных документов (например, жалоб), ни технических комментариев. Также в УК сделана специальная оговорка, что при квалификации деяния должны в обязательном порядке применяться положения действующего Закона о СМИ 1881 г., который защищает свободу прессы и иных медиа. По таким делам проводится обязательное предварительное расследование, т.е. речь не идет о каких-то специальных полномочиях судей налагать санкции в упрощенном порядке, а максимальное наказание за данное преступление действительно достигает шести месяцев тюремного заключения или штрафа в размере до 7500 евро.

Помимо отмеченных ограничений, которые существенно сужают сферу действия указанного специального уголовно-правового запрета, есть и более общая тенденция, которая достаточно парадоксальна. До конца 1980-х гг., когда никакой ст. 434-25 УК еще не было, регулярно появлялись уголовные дела, наказывающие за посягательство на авторитет правосудия путем использования традиционных составов преступлений. Например, в 1964 г. достаточно было назвать судебное решение «шедевром экстравагантности», чтобы быть признанным виновным в совершении преступления.

Но после появления в 1992 г. ст. 434-25 УК количество такого рода уголовных дел, как ни странно, резко снизилось, что не в последнюю очередь связано с влиянием ЕСПЧ, который практически всегда защищает прессу против государства. Поэтому сегодня случаи применения как данной статьи, так и классических составов единичны. Например, в 1997 г. Кассационный суд подтвердил виновность адвоката и газеты, опубликовавшей заметку этого адвоката, в которой он назвал следственного судью и его коллег «быко-тиграми», «тупыми, как быки», «злыми, как тигры». Согласно приговору суда эти слова носят «чрезмерно радикальный характер». В то же время в деле депутата Гэно, который в 2013 г. в газете «Фигаро» квалифицировал судебное расследование в отношении бывшего президента Саркози как «гротескное решение, позорное пятно для Франции», исправительный суд Парижа вынес оправдательный приговор. Те же тенденции коснулись случаев, когда уголовное преследование основано не на ст. 434-25 УК, а на традиционных составах, например диффамации. Скажем, в 2016 г. Кассационный суд реабилитировал после вмешатель-

ства ЕСПЧ (дело Мориса¹³) адвоката и газету «Монд», опубликовавшую открытое письмо, в котором адвокат обвинил прокурора и судью в заговоре, хотя первоначально приговор суда первой инстанции был обвинительным.

В целом вопрос не в наличии или отсутствии специальных составов в УК или в других законах, а в господствующей идеологии. Когда она направлена на защиту правосудия как одной из важнейших функций государства, то вполне хватает и классических уголовно-правовых запретов. Когда она направлена на другое, например защиту СМИ, то не помогают никакие специальные составы преступлений и прочие законодательные ухищрения. Французский опыт это отчетливо показывает.

РОМАН ХОДЫКИН

приглашенный профессор
Университета Королевы
Марии (Лондон),
солиситор Высших судов
Англии и Уэльса, партнер
лондонского офиса
юридической фирмы *Bryan
Cave Leighton Paisner LLP*,
кандидат юридических наук

— В своем выступлении г-н Момотов указал, что в англосаксонском праве предусмотрена уголовная ответственность за скандализацию правосудия, которая влечет серьезные последствия, в том числе тюремное заключение. В целом в Англии (как и в России) действительно была и есть ответственность за неуважение к суду. Но вот отдельное преступление «скандализация правосудия», которое существовало там с 1765 г., было отменено в 2013 г., и в том числе потому, что умаляло свободу слова. Впрочем, обо всем по порядку.

Английскому праву известен термин «скандализация судов», который означает публичные заявления, направленные против лиц судебной профессии и грозящие привести к ослаблению судебной власти. Преступление «скандализация судов», как я уже сказал, появилось в английском праве в 1765 г. и стало результатом судебного прецедента (*common law offence*), а не законодательного закрепления. По своей природе оно было разновидностью неуважения к суду и предусматривало наказание вплоть до лишения свободы до двух лет.

В деле *Almon* (1765 г.)¹⁴ суд объяснил необходимость преследования за подобные деяния тем, что «критика правосудия или судьи — это критика самого Короля, это сомнение в его мудрости и доброте при выборе судей. Такая критика возбуждает в головах людей общую неудовлетворенность судебными актами и располагает их не исполнять оные, а когда вера людей в право столь фундаментально подрывается, то такие деяния, в отличие от других случаев воспрепятствования правосудию, требуют немедленной реакции — не ради судей как физических лиц, а потому, что они являются проводниками, через которые Король обеспечивает правосудие для людей. Чтобы судьи были беспристрастными и воспринимались таковыми, отправление правосудия должно быть абсолютно свободным, открытым и нетронутым, каким оно многие лета и было в этом Королевстве, что так существенно отличает Королевство и превозносит его выше всех других наций на земле».

¹³ Постановление ЕСПЧ от 23.04.2015 по делу «Морис (*Morice*) против Франции» (жалоба № 29369/10).

¹⁴ *Wilm* 243, 270; 97 *ER* 94, 105.

В частности, в 1900 г. в деле *Gray*¹⁵ журналиста привлекли к ответственности за то, что он назвал одного из судей «наглым человечком в конском парике» и «микрокосмом тщеславия и пустоголовости». Суд провел различие между публикациями или иными действиями, рассчитанными на то, чтобы очернить суд и судей в глазах закона, с одной стороны, и действиями и публикациями, рассчитанными на то, чтобы помешать процессу отправлению правосудия, — с другой. Признавая, что оба вида деяний являются формами неуважения к суду, суд отнес к категории «скандализация» именно первый из них, однако отметил при этом, что судьи и суды одинаково открыты для критики, и если в адрес какого-либо судебного действия сделан обоснованный аргумент или упрек, то ни один суд не сможет признать их неуважением к суду.

Однако уже к концу XIX в. преследование за это преступление практически сошло на нет. Последний случай привлечения к ответственности в Англии и Уэльсе имел место в 1931 г.

В деле *Ambard v. Attorney-General for Trinidad and Tobago*¹⁶ суд заявил, что не может быть привлечен к ответственности тот, кто критикует судебный акт, публично или нет, из хороших побуждений, а сама судебная система не является закрытым форумом и должна быть открыта для критики.

Последний громкий пример преследования за данное преступление имел место в 2012 г. — после того, как член парламента и бывший секретарь Северной Ирландии П. Хейн опубликовал свою автобиографию, в которой назвал одного из судей сумасшедшим («*off his rocker*»). Однако предъявленные ему обвинения в скандализации суда позже были сняты, а лорд Панник призвал к отмене ответственности за данное деяние, что, в свою очередь, повлекло широкое обсуждение судьбы этого уголовно-правового состава. Основной вопрос заключался в том, должно ли преступление «скандализация судов» быть полностью отменено либо заменено каким-либо другим. В дискуссии приняли участие судьи (как действующие, так и в отставке), представители науки и общества.

По итогам консультационного процесса 19 декабря 2012 г. Юридическая комиссия опубликовала отчет¹⁷, в котором большинством голосов призвала к полной отмене состава преступления.

Помимо прочего, Комиссия ссылалась на факторы, обуславливающие полную декриминализацию, а именно:

1) преступление «скандализация правосудия» вторгается в сферу свободы слова, предусмотренную ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека. Ограничение прав человека допускается только в исключительных слу-

¹⁵ [1900] 2 QB 36.

¹⁶ [1981] 1 All E.R. 244.

¹⁷ The Law Commission. Contempt of Court: Scandalising the Court. Presented to Parliament pursuant to section 3(2) of the Law Commissions Act 1965. Ordered by the House of Commons to be printed on 18 December 2012.

чаях, но обосновать таковые в отношении скандализации правосудия очень проблематично;

2) поскольку с 1931 г. не было ни одного случая привлечения к ответственности за данное деяние, в нем нет необходимости и его отмена не повлечет негативных результатов. Кроме того, не была установлена также необходимость замены этого преступления каким-либо другим;

3) ни одна другая профессия не обладает иммунитетом от критики, поэтому сохранение данного преступления поставит судебский корпус в привилегированное положение и может привести к злоупотреблениям;

4) элементы состава преступления размыты и не позволяют сделать однозначные выводы о том, от какого конкретно поведения следует воздержаться, дабы не навлечь на себя уголовную ответственность. В частности, неясно, влекут ли уголовную ответственность заявления, которые хоть и выставляют судью в дурном свете, но при этом соответствуют действительности. Одни авторы утверждали, что достоверность является оправданием, поскольку в противном случае деяние, вероятнее всего, противоречило бы Европейской конвенции о защите прав человека. Другие высказывали противоположное мнение: достоверность заявлений не может служить оправданием, поскольку это превратило бы судебный процесс в процесс над самим судьей. В то же время в деле *Ahnee v. DPP*¹⁸ судья выразил мнение, что оправданием должен служить тот факт, что критика какого-либо судебного акта была сделана из хороших побуждений.

Рекомендация Комиссии была поддержана, и преступление было декриминализовано Законом о преступлениях и судах 2013 г. (*The Crime and Courts Act 2013*).

Таким образом, английское право больше не предусматривает ответственность за скандализацию правосудия. При этом по-прежнему сохраняется ответственность за неуважение к суду. Но существующее положение, как предполагается, не нарушает фундаментальные права человека, особенно свободу слова.

В заключение хочется процитировать лорда Панника, который сказал, что если судебная система находится в плачевном состоянии, то введение ответственности за ее критику не поможет восстановить уверенность в судебной власти.

Если судебная система является профессиональной и независимой, то она пользуется уважением в обществе, а судьи не нуждаются в защите от нападок журналистов. Однако ввести ответственность за скандализацию правосудия гораздо легче, чем повысить профессионализм и беспристрастность служителей Фемиды...

¹⁸ [1999] 2 AC 294.

**КОНСТАНТИН
БРАНОВИЦКИЙ**

доцент кафедры
гражданского процесса
УрГЮУ, кандидат
юридических наук,
магистр права,
LLM (Киль)

— Что касается регулирования в Германии, то здесь можно отметить следующее. Федеральным конституционным судом за более чем 50-летнюю историю существования Основного закона¹⁹ было вынесено свыше 50 постановлений, затрагивающих право на свободу слова (ст. 5), что свидетельствует о признании важности гарантий соблюдения данного права, с одной стороны, и о работанности доктрины — с другой.

При анализе содержания свободы слова в первую очередь обращается внимание на то, что границы действия данной свободы различны в зависимости от лица, права и интересы которого затрагиваются²⁰. По общему правилу политики во время избирательной кампании²¹, представители объединений граждан (например, ассоциаций)²² обладают повышенной правовой защитой при формулировке своих высказываний. Судьи, адвокаты и государственные служащие, наоборот, должны быть более осторожны и внимательны при выборе выражений, поскольку это может повлиять на нормальное функционирование публичной власти.

Для тех случаев, когда свобода слова затрагивает интересы иных лиц (право на неприкосновенность частной жизни и т.д.), существует определенная градация допустимого вмешательства в целях соблюдения баланса интересов²³. Так, критика в отношении публичных людей (находящихся в центре общественной жизни) может содержать более резкие высказывания, чем критика в адрес частных лиц²⁴.

При этом в правовой доктрине Германии подчеркивается, что право на резкую критику действий публичной власти без оглядки на риск применения санкций со стороны государства является ключевым пунктом понимания свободы слова и является, собственно, его мерилом²⁵.

В части допустимости критики судов и судей предлагается отталкиваться от того, является ли высказывающийся судьей, представителем правосудия (адвокатом, прокурором и т.д.) или нет.

Так, адвокат, выступая вне рамок судебного заседания (где ему гарантируется бóльшая свобода высказываний в силу действия принципа состязательности), должен быть осторожен и не допускать необоснованных оценок и обвинений деятельности суда или прокурора²⁶. Причина подобных ограничений кроется в особом общественном положении, которое занимает адвокат, ведь

¹⁹ Основной закон ФРГ был принят 23 мая 1949 г.

²⁰ *Frenz W.* Handbuch Europarecht. Band. 4. Springer Science & Business Media, 2008. Rd. 1914.

²¹ Решение ЕСПЧ от 27.02.2001 по делу «Джерусалем (*Jerusalem*) против Австрии» (жалоба № 26958/95).

²² Решение ЕСПЧ от 25.11.1999 по делу «Нильсен и Джонсен (*Nilsen and Johnsen*) против Норвегии» (жалоба № 23118/93).

²³ *Frenz W.* Op. cit. Rd.1915.

²⁴ Решение ЕСПЧ от 23.05.1991 по делу «Обершлик (*Oberschlick*) против Австрии» (жалоба № 11662/85).

²⁵ Решение Федерального конституционного суда Германии от 10.10.1995 (BVerfGE 92, 266).

²⁶ При этом ЕСПЧ признает высказывания адвоката не оскорбительного, а, скорее, едкого и саркастического содержания допустимым (решение от 29.03.2011 (жалоба № 1529/08)).

он выступает своего рода посредником между обществом и судом и при этом является частью системы правосудия. Доверие к его высказываниям и оценкам гораздо более высоко, чем к взгляду обывателя.

В свою очередь, свобода оценки деятельности судов и судей со стороны общественности и СМИ ограничена только положениями ст. 185 Уголовного кодекса ФРГ о том, что, она, свобода, заканчивается тогда, когда речь идет об оскорбительных выражениях²⁷.

Во всех остальных случаях можно высказываться в резкой и едкой манере без риска быть привлеченным к какой-либо ответственности, что и гарантируется ст. 5 Основного закона ФРГ²⁸. В судебной практике подчеркивается, что судьи в силу своей профессии должны понимать, что негативная реакция сторон направлена не против судебной системы или личности и чести конкретного судьи, а против принятого решения или сложившейся правовой ситуации²⁹.

СЕРГЕЙ ПЕПЕЛЯЕВ

управляющий партнер
компании «Пепеляев
Групп», главный
редактор журнала
«Налоговед», кандидат
юридических наук

— 15 лет назад судья КС РФ Г.А. Гаджиев предложил мне одну идею. Он только что вернулся из Канады, где стал свидетелем того, как независимые юристы — ученые, адвокаты, консультанты — на специализированной конференции устраивали разбор полетов канадского конституционного суда. Звучала жесткая критика.

«И нам, чтобы не забронзоветь, было бы полезно учредить такое», — подытожил судья.

Поэтому вот уже 16 лет журнал «Налоговед» проводит аналогичную конференцию. Там звучит критика КС РФ, которая тем не менее не отпугивает Суд от участия: судьи, сотрудники аппарата и выступают, и слушают, и реализуют некоторые из предложений, отраженных в итоговой резолюции конференции.

Хотя слышится иногда и ворчание: «Вы нас слишком ругаете».

На страницах «Налоговеда» тоже порой проскакивает острая критика и в адрес конкретных судебных актов, и принявших их судей.

Это скандализация или нет? Где четкий критерий? Там, где один обидится, другой лишь усмехнется, а третий намотает на ус.

У судей не такая уникальная профессия, чтобы страдать от скандализации больше других. Кто потягается с ними? Гаишникам, например, достается гораздо больше. Про них придуманы сотни анекдотов. Давайте сначала защитим от скандализации их и посмотрим, прибавится ли от этого порядка на дорогах.

²⁷ Решение Федерального конституционного суда Германии от 28.07.2014 (BVerfGE 482/13).

²⁸ Решение Высшего земельного суда Мюнхена от 31.05.2017 (OLG München 13 Ss 81/17). Аналогичную позицию см.: решение Высшего земельного суда Баварии от 13.07.2001 (BayObLGSt 2001, 92); Высшего земельного суда Наумбурга от 10.11.2011 (OLG Naumburg 2012, 283).

²⁹ OLG München 13 Ss 81/17.

Уровень доверия населения к судам очень низкий, а в последнее время он постоянно снижается. По данным «Левада-центра», российскому суду доверяют лишь 28% граждан. Даже полиции, прокуратуре и СМИ доверяют больше, чем судам³⁰. Выявлена общая тенденция: все судившиеся оценивают работу судов более критично, чем несудившиеся³¹.

На эти оценки повлияли не скандальные публикации СМИ, а личный горький опыт.

Поэтому неверно утверждение, что публикации влияют на восприятие обществом суда и судей. Не в них корень всех бед.

К тому же прибавится ли уважения к суду, когда рассматривать дела и выносить решения о виновности в «публичном умалении авторитета суда» будут те, кто, по сути, выступает судьей в своем же деле?

ИВАН МАРИСИН

старший партнер
юридической фирмы
«Кузнецов, Марисин
и партнеры»

ВАСИЛИЙ КУЗНЕЦОВ

управляющий партнер
юридической фирмы
«Кузнецов, Марисин
и партнеры»

— Роль судебной власти в современных условиях крайне велика. Так, хотя государства допускают передачу ряда значимых полномочий на наднациональный уровень (например, для решения антимонопольных и внешнеторговых задач), к вопросам судебного суверенитета они, как правило, относятся очень чувствительно.

Поэтому вполне понятно стремление государств защитить авторитет своих собственных судов и судей. Эта защита может осуществляться посредством общих гражданско-правовых норм (США, Великобритания), специальных норм уголовного законодательства (Италия, Франция, Германия) или привлечения нарушителей-адвокатов к дисциплинарной ответственности (Канада).

Итак, если необходимость **защитить** авторитет судов сомнений не вызывает, то возникают вопросы: а пользуются ли отечественные суды большим **авторитетом** в России и за рубежом? И сопоставим ли авторитет российских судов с авторитетом судов зарубежных стран?

Сразу оговоримся, что мы против упрощения и изображения всего в черно-белых тонах. Были ли у нас в практике случаи, когда российские судьи проявляли принципиальность? Встречались ли подробные и аргументированные решения, в которых проблемные вопросы рассматривались и разрешались, а не замалчивались? А видели ли мы наших судей, которые способны отделить главное от неглавного и вынести решение на основании действительно значимых аспектов спора? Или которые сразу после оглашения какого-либо решения коротко объясняют сторонам его логику и причины? Да, конечно, и не один раз. И кстати, не только в московских судах, но и в регионах.

³⁰ См.: Институциональное доверие. URL: <https://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4/> (дата обращения: 21.03.2019).

³¹ Российский суд теряет завоеванное доверие // Право.ру. 2012. 31 июля. URL: <https://pravo.ru/review/view/75723/> (дата обращения: 21.03.2019).

Но возьмем для примера нашумевший процесс Березовского и Абрамовича и вспомним, о каких вещах в нем говорили свидетели и какие вопросы анализировались в решении суда. А теперь давайте задумаемся: получили бы мы столь детальное обсуждение в российском суде? И помог бы в этом закон против скандализации правосудия? Наверное, вопросы риторические, хотя нам как российским судебным юристам хотелось бы, чтобы и отечественные суды могли так же детально и открыто рассматривать подобные споры. Или другой пример: можно ли представить, чтобы Надежда Савченко позволила себе в американском суде то, что произошло в российском? Честно говоря, с очень большим трудом.

Поэтому основной задачей видится не защита авторитета российских судов, а его повышение. А это требует в первую очередь усилий самих судей и судейского сообщества. Конечно, можно сослаться на большую загрузку судов — но практика показывает, что для серьезных споров время у судей находится и решения могут быть отписаны так, что и пресловутому английскому судье было бы за них не стыдно; или на суровые санкции за рубежом за лжесвидетельствование — но ведь и у нас в России были случаи полноценного перекрестного допроса свидетелей и экспертов.

Что касается **защиты** авторитета судов, то в России и так имеются механизмы, которые могли бы применяться для защиты судов и судей от порочащих высказываний или действий. Конечно, эти механизмы следует соотносить с необходимостью учета свободы слова и конкретного нарушения против судьи, но ориентиры здесь при желании найти можно (в практике ЕСПЧ, например, были случаи, когда суд соглашался с уголовной ответственностью за клевету в отношении судей как публичных лиц и когда, напротив, считал применение мер уголовной ответственности недопустимым).

Соответственно, на наш взгляд, целесообразным было бы повышение эффективности уже существующих механизмов, которые бы позволили в равной степени защитить *всех* лиц, включая судей. Так, американскому судье удалось добиться компенсации от газеты за серьезную клевету в свой адрес в размере около 2 млн долл. США³². Очевидно, что высокий размер возмещения мог бы стать одним из факторов, сдерживающих от недобросовестных высказываний, причем не только в адрес судей.

А введение ответственности за так называемую скандализацию правосудия в настоящее время является чрезмерным, преждевременным и попросту отвлекающим от действительно важного вопроса.

³² См.: <https://caselaw.findlaw.com/ma-supreme-judicial-court/1150985.html> (дата обращения: 25.03.2019).

МИХАИЛ ИВАНОВ

партнер, руководитель российской практики по разрешению споров международной юридической фирмы *Dentons*, кандидат юридических наук

— Представляется, что рассматриваемое предложение не учитывает тех механизмов обеспечения уважения к суду и защиты его авторитета, которые уже имеются в действующем законодательстве.

Как следует из выступления В.В. Момотова, он полагает, что эти цели не достигаются (или достигаются не полностью) ответственностью за неуважение к суду, предусмотренной в ст. 297 УК РФ, поскольку институт уважения к суду значительно шире, чем запрет оскорбления участников судебного разбирательства. Между тем у нас также предусмотрена уголовная ответственность за вмешательство **в какой бы то ни было форме** в деятельность суда в связи с рассмотрением дела (ч. 1 ст. 294 УК РФ) и за клевету в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия (ч. 1 ст. 298.1 УК РФ). Если нормы этих статей на практике недостаточно эффективны, то, наверное, следует подумать о совершенствовании действующего регулирования либо изменении подходов в правоприменительной практике, но это совсем не означает, что нужно вводить специальную ответственность за скандализацию правосудия.

Важно подчеркнуть, что усовершенствование существующих механизмов не должно приводить к возможности толковать **любую** критику в адрес судебных решений и процессуальных действий суда как подрыв авторитета суда. Упомянуть это заставляет высказывание В.В. Момотова о том, что единственно допустимая форма критики судей — обжалование судебных актов. Такая позиция видится ошибочной. Отсутствие у общественности, в том числе юридической, возможности критиковать судебные акты привело бы лишь к видимости авторитета суда, но фактически подрывало бы его. В конечном счете нужно помнить о том, что авторитет суда завоевывается справедливыми, законными и обоснованными судебными актами, и от отсутствия критики эти акты лучше не станут. Да, конечно, критика не должна быть оскорбительной, но сам факт публичного несогласия с судебным актом или с правовыми позициями, занятыми судом, как и указание на предполагаемые процессуальные упущения, допущенные судьями, не должны трактоваться как неуважение к суду и влечь какую-либо ответственность.

Также не соглашусь с мнением о том, что возможности судьи по защите от порочащих и лживых сведений существенно ограничены. Пункт 5 ст. 13 Кодекса судебной этики, на который ссылается автор предложения, не запрещает судье обращаться в правоохранительные органы и СМИ и содержит важное правило о том, что решение о форме реагирования на выступления СМИ, создающие искаженное представление о работе судов и судей, должно приниматься каждым судьей самостоятельно, на основании тех законных средств, которыми он обладает как гражданин.

**АЛЕКСАНДР
МОСКОВКИН**

руководитель блока
«Право» на сайте
«Российской газеты»

**ЛЕОНИД
НИКИТИНСКИЙ**

обозреватель
«Новой газеты»,
кандидат юридических
наук

— Инициатива понятная и, абстрактно говоря, правильная: суд действительно нужно уважать. Но дьявол в деталях. Хотелось бы посмотреть, как эта идея будет реализована: как будет определяться то, что является неуважением и оскорблением, кто именно будет это делать и какой мерой мерить? Часто бывает, что даже хорошие инициативы при плохом применении становятся карательным инструментом и вызывают противоположный эффект, но только не в форме неуважения к суду, а в форме иронии, сарказма, даже фотожаб в Интернете. Кстати, они тоже будут неуважением к суду? А если они будут адресованы не кому-то конкретному, а всему институту правосудия? Как это выявлять, как за это наказывать?

Мне кажется, что авторитет судебной системы (и, соответственно, уважение к ней) формируется прежде всего длительной безупречной работой (одинаково важны оба прилагательных!), которая складывается из очень многих факторов: качества судебных решений, их оперативности, удобства, доступности, правосудности, даже, в конце концов, атмосферы в здании суда. Нельзя сказать, что в этом направлении ничего не происходит: принимается много мер, но, видимо, их все-таки недостаточно, раз недовольство судебной системой в обществе есть и, судя по всему, не уменьшается. Масла в огонь подливают истории с отдельными судьями, по которым обыватель формирует свое мнение о судебной системе в целом: непонятно откуда взявшееся имущество, вызывающее поведение. Таких людей надо демонстративно наказывать, доносить до общества эту информацию и давать четко понять, что строго карается не только откровенная наглость и распущенность, но даже неэтичное поведение, ставшее достоянием гласности, независимо от любых заслуг. Если такую работу проводить системно и последовательно, борьба со скандализацией правосудия будет целиком оправданна и не встретит общественного непонимания.

— Этот вопрос я уже комментировал³³, но хотел бы еще раз подчеркнуть следующее.

Уровень российской журналистики вообще и судебной в особенности сегодня чудовищен. Но тут важно разобраться, почему это так. Упреки в том, что журналисты редко пишут «о хороших судебных решениях» — не новость. Но журналистика, как боль, реагирует на отклонение от должного. Когда суд открыто принимает справедливые, законные и понятные людям решения, журналистам, в общем, говорить и не о чем.

Резкое пожелтение печатной и электронной прессы стало результатом дикого капитализма в области культуры в целом: в отличие от серьезного дискурса, скандалы хорошо продаются. О бедственном положении, в котором находится критическая журналистика (не желтая пресса и не пропаганда), прекрасно известно.

³³ См.: *Никитинский Л.* «Заказы» присылают не только в СМИ // Новая газета. 2019. 5 марта. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/03/05/79775-zakazy-prisylayut-ne-tolko-v-smi> (дата обращения: 21.03.2019).

Увядание дискурса критики в профессиональных медиа ведет к его вытеснению в блогосферу, где нет цензуры, но нет и редакторов.

Но и здесь не стоит полагать, что «судьи беззащитны». Ростовский журналист С. Резник провел в местах лишения свободы без малого три года «по совокупности» смехотворных «преступлений», а главным образом за то, что обозвал председателя арбитражного суда «крокодилицей» у себя в блоге.

И ведь никто в профессиональной газете не скажет, что это правильно. Но Резник, занимавшийся критической судебной журналистикой, из институализированных медиа был изгнан, и все ему тыкали его «маргинальностью» — так чему же тогда удивляться и он ли за все это в ответе?

По поводу права критиковать судебные решения Совету судей в феврале 2011 г. все сказал В. Зорькин в ответ на просьбу оценить действия Т. Морщаковой, которая развернула в рамках СПЧ «независимую экспертизу резонансных уголовных дел» (это же привело к появлению тупикового так называемого третьего дела «ЮКОСа»). Вот цитата от Председателя КС РФ:

«Общественная реакция как на судебные решения по конкретным делам, так и на сложившуюся практику по отдельным категориям дел, не может быть ограничена с точки зрения возможности анализа таких дел и их оценки, в том числе высказанной публично»³⁴.

Конечно, критика суда должна быть профессиональной. Но тут уж или профессионально, или бесплатно. Если поляну не пропалывать и не подсыпать удобрения, сорняки очень скоро забьют культурную растительность. Сказанное относится ко всякой журналистике, но судебной прежде всего, так как она, наряду с расследованиями, всегда оказывается на переднем крае острых конфликтов. Пока у власти (обобщенно) нет понимания того, что поддерживать надо именно критическую журналистику как столп гражданского общества, кроме скандализации, мало что получится. Вот это бы обсудить в клубе имени Замятина.

Если бы Совет судей был готов признать, что деградировала не только журналистика, но и судебная система, интересный и полезный разговор мог бы получиться.

Между прочим, Дмитрий Замятин, чье имя носит этот клуб, — министр юстиции Александра II, вдохновитель и проводник, наверное, единственной в российской истории демократической и удавшейся Судебной реформы.

³⁴ Председатель ответил президиуму // РГ. 2011. 15 февр. URL: <https://rg.ru/2011/02/15/zorkin-poln.html> (дата обращения: 21.03.2019).